

Валерий Брюсов

Пушкин в Крыму

Валерий Яковлевич Брюсов

Пушкин в Крыму

«Правительство, переводя коллежского секретаря А. С. Пушкина по службе из Петербурга в канцелярию генерала Инзова, хотело, конечно, наказать сочинителя «возмутительных» стихов, «наводнившего» ими всю Россию. Однако этот перевод скорее оказал Пушкину неожиданную услугу, так как вырвал его из мутного омута петербургской жизни, дал ему увидеть новые местности и новую природу, оживил его фантазию, сблизил его с благородным семейством Раевских. Лето, проведенное на Кавказе и в Крыму, сам Пушкин относит к числу «счастливейших» дней своей жизни...»

Валерий Брюсов Пушкин в Крыму

Правительство, переводя коллежского секретаря А. С. Пушкина по службе из Петербурга в канцелярию генерала Инзова, хотело, конечно, наказать сочинителя «возмутительных» стихов, «наводнившего» ими всю Россию. Однако этот перевод скорее оказал Пушкину неожиданную услугу, так как вырвал его из мутного омута петербургской жизни, дал ему увидеть новые местности и новую природу, оживил его фантазию, сблизил его с благородным семейством Раевских. Лето, проведенное на Кавказе и в Крыму, сам Пушкин относит к числу «счастливейших» дней своей жизни.

Чтобы полно охарактеризовать жизнь Пушкина в ту эпоху, необходимо разобрать его отношения к отдельным членам семьи Раевских, определить влияние на него Байрона, с которым он тогда ближе ознакомился, выяснить, насколько отразились на его творчестве новые впечатления. Такая задача осуществима только в ряде очерков и до известной степени выполнена подбором статей данного тома. Автор же настоящей заметки ограничивает Свою работу гораздо более узкими рам-

ками, желая только проследить путешествие Пушкина по Тавриде, установить, так сказать, его подробный «дорожник», «итинерарий».

На Кавказе, на минеральных водах, Пушкин и Раевские (отец – генерал, два сына – Николай и Александр и две дочери – Софья и Мария) прожили немногим больше месяца[1]. По окончании курса лечения решено было всем, кроме Александра Раевского, ехать в Крым, в Юрзуф, где уже находились – жена генерала, Софья Алексеевна, и две его других дочери, Екатерина и Елена. Пушкин должен был мечтать об этом путешествии с восторгом; позднее он признавался, что в те дни ему

*казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал...*

Как уже знают читатели из предыдущих статей, некоторые сведения о переезде Раевских от Пятигорска до Феодосии дают «Путевые записки» Г. Геракова[2], смешного, написанного стилем XVIII века, дневника старого литератора, гордившегося тем, что он знавал

Державина и что Денис Давыдов написал к нему шесть стихов. Гераков тем летом, сопровождая одного из своих учеников, совершал путешествие «по многим российским губерниям» и случайно выехал из Пятигорска в Крым одновременно с Раевскими. В течение десяти дней он, как неотвязчивая тень, бежит перед ними, везде на несколько часов предупреждая приезд Пушкина.

2 августа Гераков еще видел Раевских в Пятигорске. Под этим числом и занесена отмеченная уже в статье г. Вейденбаума забавная запись в дневнике Геракова: «Тут увидел я Пуш(ки)на, молодого, который готов с похвальной стороны обратить на себя внимание общее; точно он может при дарованиях своих; я ему от души желаю всякого блага; он слушал и колкую правду, но смиряся; и эта перемена делает ему честь». Несколькими строками далее опять упоминается имя Пушкина: «Час времени с Мариным[3] и Пушкиным языком почесали и разошлись».

Вероятно, Гераков произвел на Пушкина самое неблагоприятное впечатление. По крайней мере, нигде далее в своих «запис-

ках» Гераков, который еще не раз встречался с Раевскими, не упоминает о других беседах с Пушкиным. Может быть, говоря о «колкой правде», которую будто бы смиренно выслушивал Пушкин, Гераков разумел свои собственные речи. Пушкин, разумеется, не обратил никакого внимания на мелочные нападки «старозаветного» литератора, над которым давно перестали даже смеяться, и это-то пренебрежение и показалось Геракову «смирением».

Гераков выехал из Пятигорска 5 августа, в два часа дня. Судя по тому, что Раевские приезжали на почтовые станции постоянно после него через несколько часов, надо предположить, что они выехали в тот же день, к вечеру. Маршрут Геракова был: Георгиевек, Ставрополь, Прочный-Окоп, Темизбек, Кавказская крепость, Карантинный редут, Екатеринодар, Темрюк, Тамань. Вероятно, таков же был и путь Раевских, по крайней мере, Гераков трижды видел их по пути: 8-го в Темизбеке, 9-го в Кавказской крепости, 14-го в Тамани. Дорога заняла восемь дней, так как Гераков был в Тамани уже ночью 12-го.

Все эти дни, от 5 до 12 августа, стояла жара, и путешественники страдали от зноя.

В Тамань Раевские приехали, кажется, на день позже Геракова, утром 13-го. «Тамань – самый скверный городишко из всех приморских городов России», – писал несколько лет спустя Лермонтов. В 1820 году это было жалкое селение, куча деревянных лачуг, с 200 жителями, полунищих, полуразбойников. Гераков остановился в собственно городе, а Раевские – в крепости Фанагории, у ее коменданта, грека по происхождению, Каламара.

Погода к концу путешествия несколько ухудшилась, и сильный ветер не позволял пуститься в море. Это заставило Раевских, как и Геракова, прожить в Тамани более двух суток. Под 14 августа у Геракова записано: «Генерал Н. Н. Раевский был у нас». Потом, отдавая визит; Гераков со своим спутником ездили на дрожках к Раевским в крепость. «Пили чай, – записал Гераков, – с его дочерьми и англичанкою, доброю Матень». Пушкин за этим чаем, как видно, не присутствовал.

В письме Пушкина к брату (1820 г.) о Тама-

ни сказано всего несколько слов: «С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма». Действительно, из Тамани видны Керчь и Еникале.

15 августа явилась, наконец, возможность плыть через пролив. Гераков выехал в 9 часов утра на канонерской лодке и добрался до Керчи только к 5 часам, хотя обычно этот переезд совершался тогда часа в 2 с половиною. «Раевский после нас приехал», – записал Гераков. Следовательно, Раевские и Пушкин совершали переправу на другом судне. «Из Азии переехали мы в Европу на корабле», – выразился об этой переправе Пушкин.

Восточный берег Крыма не интересен: берега плоские, илистые, возвышенности в глубине страны незначительные, растительность скудная. Пушкин признается брату (письмо 1820 г.), что, подъезжая к Керчи, он думал так: «Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапей». Прибыв в Керчь, он «*тотчас*» поспешил к «Митридатовой гробнице», даже счел нужным сорвать там цветок «для памяти»; потом

не преминул, как турист, совершить паломничество на Золотой холм. Но очень скоро ему пришлось убедиться, что «напрасно чувство возбуждал» он.

В двух письмах Пушкин говорит о своих впечатлениях от Керчи и в обоих описывает свое разочарование. В письме к брату (1820 г.) он пишет: «На ближней горе, посереде кладбища, увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных, заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни – не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнявшийся с землею, – вот все, что осталось от города Пантикапеи».

В письме к Дельвигу (1824 г.), сравнивая свои впечатления с впечатлениями А. Муравьева-Апостола, который тем же летом 1820 года тоже путешествовал по Крыму, Пушкин выражается еще определеннее: «Я тотчас отправился на так называемую Митридатову гробницу (развалины какой-то башни), там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления».

ния. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, кирпичи – и только».

В черновом наброске этого письма[4] Пушкин добавлял еще: «Воображение мое спало; хоть бы одно чувство, нет!»

Впрочем, и Муравьев-Апостол, хотя Пушкин и поражается «различием их впечатлений», не очень восхищался Керчью и особенно остатками Митридатовых времен, «Здесь остались, – пишет он[5], – развалины огромных цоколей, может быть, служивших портиком царских чертогов. Одному из них присваивается имя Кресел Митридатовых безо всякой другой причины, кроме той, что непременно хотелось найти здесь какой-нибудь памятник знаменитейшего из царей Воспорских».

Зато Гераков, конечно, был в восхищении. «Мы всходили, – пишет он, – на гору и видели то место, где, как говорят, Митридат, понтийский государь, сиживал. Я сел на сии большие кресла, красиво иссеченные из дикого камня, и окинул взором вокруг себя. Прелест-

ная, величественная картина!»

Позднее Пушкин не устоял, однако, перед соблазном украсить свои стихи звучным именем и в «Путешествие» Онегина вставил-таки Митридата:

*Он едет к берегам иным,
Он прибыл из Тамани в Крым.
Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат...*

Более, чем урочища с историческими воспоминаниями, могла заинтересовать Пушкина современная жизнь Керчи. Керчь была в то время уже довольно значительным торговым городом, с населением в 4000 человек. Большинство жителей были греки, и в городе сохранялись старинные полугреческие, полутурецкие обычаи. Целый день можно было видеть, как на пестрых коврах, разостланных перед домиками, сидят, поджав ноги, их владельцы, работают, пьют кофе, беседуют. Но, вероятно, эти впечатления были стерты в памяти Пушкина более яркими картинами уличной жизни Одессы и Кишинева.

У Геракова находим только такую запись

под 15 августа: «Был у Н. Н. Раевского, который после нас приехал; сын меньшей очень болен; жаль молодца».

Из Керчи Раевские поехали в Феодосию, или, как тогда назывался этот город, в Кефу, – вероятно, тоже морем, потому что в распоряжение ген. Раевского был предоставлен военный бриг. Феодосия была тогда немногим больше Керчи и нисколько не привлекательнее ее по местоположению. Те же невысокие холмы за городом, то же плоское побережье и такая же скудная растительность вокруг. Грязно-серые развалины генуэзских башен посреди города не украшают его нисколько. И Муравьев-Апостол и Гераков согласно жалуются, что в городе негде было укрыться от летнего крымского зноя. На берегу моря был уже разведен бульвар, но молодые деревья еще не давали тени.

Пушкин ни в письмах, ни в стихах не упомянул самую Феодосию ничем добрым. «Из Керчи приехали мы в Кефу, – рассказывает он (письмо 1820 г.), – остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под су-

дом, – и, подобно старику Вергилия, разводит сад на берегу моря, недалеко от га-рода. Виноград и миндаль составляют его доход. Он не умный человек, но имеет большие сведения о Крыме, стороне важной и запрещенной»[6].

Гераков подробно описывает сад Броневского. «Сад его, – пишет он, – им разведенный, имеет более 10 000 фруктовых деревьев... В саду много есть милого, семо и овамо, в приятном беспорядке: то остатки колонн паросского мрамора, то камни с надписями, – памятник, воздвигнутый племяннице его, храмики, горки и проч.». В этом приморском саду, среди колонн, горок и храмиков, мы и вправе представлять себе Пушкина в Феодосии.

16-го августа Гераков, посетив Броневское, еще раз упоминает, что застал там генерала Раевского «с дочерьми и больным сыном». Но, по-видимому, в тот же день или на следующее утро Раевские уже выехали из Феодосии.

До сих пор путешествие по Крыму мало радовало Пушкина. Керчь обманула его ожидания; знойная, пыльная и скучная, Феодосия

не могла вознаградить за то. Пушкин должен был возлагать новые надежды на морской переезд в Юрзуф. Но берега от Феодосии до Алушты тоже мало интересны, а к Алуште корабль подошел уже поздно ночью, в темноте. То, что сам Пушкин рассказывает об этом переезде, доказывает, как он был разочарован (письмо 1824 г.): «Передо мною, в тумане, тянулись полуденные горы... „Вот Чатырдаг“ – сказал мне капитан. Я не раз личил его, да и не любопытствовал».

В другом письме (1820 г.) Пушкин добавляет: «Ночью на корабле написал я элегию». Это – стихи: «Погасло дневное светило». Здесь еще нет ни малейшего следа восторга перед Крымом. Правда, элегия представляет собою подражание байроновскому «Чайльд-Гарольду». Но все же нельзя одним этим объяснить полное отсутствие местного колорита. Великий мастер эпитетов не нашел ни одного живого, точного слова, чтобы изобразить именно берега Крыма. Пушкин говорит еще в самых общих выражениях: «земли полуденной волшебные края» – определение, равно подходящее и к Испании и к Индии. Ветрило, угрю-

мый «океан», воспоминания прошлого, жизни на севере, – вот что исключительно занимает воображение Пушкина в этой элегии.

«Перед светом я заснул», – рассказывает далее Пушкин (письмо 1824 г.). Ему суждено было поразительное пробуждение. «Корабль остановился в виду Юрзуфа. Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-Даг... И кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный».

Позднее, в «Путешествии» Онегина, Пушкин изобразил те же впечатления в стихах:

*Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При блеске утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брач-
ном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор;
Долин, деревьев, сел узор*

Разостлан был передо мною...

Пушкину действительно могло казаться, что он видит берега Тавриды «впервой»: они явились ему совершенно в новом облике. Только с этой минуты начинается у Пушкина его любовь к Крыму, которую сохранял он долго после.

Юрзуф – одно из прекраснейших и характернейших мест на южном берегу Крыма. Гряда Крымских гор красивыми линиями замыкает горизонт. Широкая прибрежная полоса тонет в садах и лесах. Своеобразную красоту придает местности большая и темная скала, глубоко вдающаяся в море. Она несколько напоминает медведя, уткнувшегося мордой в воду, и потому татары называют ее Аю-Даг, Медведь-гора. Берег моря – то песчаный, то из мелких камешков, нежно шелестящих с волнами при легком прибое.

В 1820 году Юрзуф принадлежал герцогу де Ришелье, устройтелю Одессы. У него был в Юрзуфе свой «замок», причудливое, некрасивое и неудобное здание. По словам А. Муравьева-Апостола, «замок этот доказывает, что хозяину не должно строить заочно, а мо-

жет быть, и то, что самый отменно хороший человек может иметь отменно дурной вкус в архитектуре». В этом «замке» и поселились Раевские, но Некрасов (в «Русских женщинах») ошибся, говоря: «поэт наверху приютился»: Пушкин жил внизу юрзуфского дома.

«В Юрзуфе, – рассказывает Пушкин (письмо 1824 г.), – жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского *lazzaroni*[7]. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря – и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество».

Окрестности Юрзуфа: нагорные леса, в которых встречаются развалины старинных городов, живописная долина реки Сюнарпутяна, роскошный Никитский сад, уже славившийся и в то время, – очень замечательны. Но, сколько можно судить, Пушкин почти не познакомился с ними, и его выражение «я жил сиднем» надо понимать почти буквально.

но. Разгоравшаяся любовь к Раевской, работа над поэмой, изучение Байрона – удерживали его от далеких прогулок. «Суди, были ли я счастлив, – писал он брату (1820 г.), – свободная, беспечная жизнь в кругу *милого семейства*, жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался; – счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение: горы, сады, море...»

В Юрзуфе писался «Кавказский пленник» и было набросано несколько стихотворений; Юрзуфом навеяны на писанные позже «Нереида» и «Редет облаков летучая гряда». Когда Пушкин пытался описать Крым в его целом, ему прежде всего вспоминались картины Юрзуфа; таковы лучшие строфы стихотворения «Желание»:

*Я помню гор прибрежные
стремнны,
Прозрачных вод веселые струи,
И тень, и шум, и красные доли-
ны...*

.....
Все мило там красою безмятеж-

ной,
Все путника пленяет и манит,
Как в ясный день дорогою при-
брежной
Привычный конь по склону гор бе-
жит.
Повсюду труд веселый и прилеж-
ный
Сады татар и нивы богатит,
Холмы цветут, и в листьях вино-
града
Висит янтарь, ночных пиров от-
рада...

Наконец, прямо о Юрзуфе говорит Пушкин в заключительных стихах «Бахчисарайского фонтана», где он вспоминает, как

*Зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утесов Аю-Дага...*

В Юрзуфе Пушкин прожил три недели. Тем временем наступил срок возвратиться ему к Инзову на место службы. Вероятно, около 6 сентября[8] Пушкин и генерал Раевский, вдвоем, выехали из Юрзуфа, направляясь в Бахчисарай, окольным путем, мимо Ялты и Алупки (морем?), через Кикинеис, т. е. через

самые замечательные местности Южного берега. Семейство Раевских направилось в Бахчисарай более прямым путем.

Из Кикинеиса Пушкин и Раевский поднялись на Яйлу по тому переходу, который у татар носит название «Шайтанмердвен», «Чертова лестница». Это – неширокая лестница, пробитая в самом массиве скал, поднимающаяся почти вертикально, ступенями громадной величины. «Страшный переход по скалам Кикинеиса не оставил ни малейшего следа в моей памяти, – уверяет Пушкин (письмо 1824 г.). – По горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным, восточным обрядом».

По Яйле путешественники проехали в Георгиевский монастырь; это было уже совершенно крюком в сторону. Но Георгиевский монастырь посмотреть стоило. Даже в дубоватом описании Геракова чувствуется красота этой местности. «Проехав семь верст, – пишет он, – с горы на гору, остановились у небольшого портика, со вкусом выстроено-

го; вошли в оный – и мы в Георгиевском монастыре, и вдруг глазам нашим явилось Черное море, крутые, дикие берега, нависшие огромные скалы, высунувшиеся в шумную влагу граниты, в величественном и мрачном виде». Монастырь расположен на уступе горы, с которой ведет к морю очень крутой спуск. В 1820 году в монастыре было с архиепископом всего десять монахов, ютившихся в небольших келийках, «над коими, – рассказывает Муравьев-Апостол, – видны опустевшие, осыпающиеся пещеры, в коих прежние отшельники обитали».

«Монастырь и его крутая лестница к морю, – говорит Пушкин (письмо 1824 г.), – оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы». Пушкин напиел даже стихи к этим развалинам, начинающиеся вопросом:

*К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм...*

Холодные сомнения, однако, были вполне уместны, и, например, Муравьев-Апостол в своих письмах решительно отвергает, что-

бы здесь именно был «грозный» храм Артемиде.

Из Георгиевского монастыря Пушкин и Раевский поехали в Бахчисарай, где уже дожидалось их семейство Раевских. Пушкин увидел «берега веселые Салгира», единственной значительной в Крыму реки, о которых потом вспоминал не раз в стихах[9].

Надо думать, что Пушкин, приехавший в Бахчисарай полубольным, остался там с семейством Раевского, тогда как генерал Раевский проехал дальше, в Симферополь. По крайней мере, Гераков, опять появляющийся в эти дни вблизи от Пушкина, отмечает в своем дневнике несколько встреч с Н. Н. Раевским в Симферополе, 8, 9 и 17 сентября. Впрочем, между Бахчисараем и Симферополем всего четыре часа езды.

Пушкин уверяет в письмах, что Бахчисарай не произвел на него особого впечатления, объясняя это тем, что его тогда мучила лихорадка. «Вошел во дворец, – рассказывает Пушкин (письмо 1824 г.), – увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец

с большой досадой на небрежение, в котором истлевают... N N (Раевский) почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема».

Совсем иначе, однако, изобразил Пушкин свое посещение в стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца» (1820). Позднее, в «Путешествии» Онегина, Пушкин тоже рассказал о своем посещении Бахчисарая в другом тоне:

*Таков ли был я, расцветая,
Скажи, фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум[10],
Когда безмолвно пред тобою
Зарему я воображал?*

Если верить дневнику Геракова, Пушкин прожил в Бахчисарае до 20 сентября. Под 19 сентября у Геракова записано: «В осьмом часу вечера, быв приглашен, пил чай у Раевской; тут были все четыре дочери ее; одной только я прежде не видал, Елены; могу сказать, что мало столь прекрасных лиц». 20 сентября, уезжая из Бахчисарая, Гераков прощался с Раевскими. Может быть, в тот же

день уехали и Раевские. Пушкин их проводил до Перекопа, а оттуда направился к Инзову, в Кишинев, где уже и был 24 сентября.

Все путешествие Пушкина по Крыму заняло немногим более двух месяцев. Из этого времени сам Пушкин считает «счастливейшими» днями только три недели, проведенные в Юрзуфе; остальные дни он или скучал, или был равнодушен, или страдал от лихорадки. Между тем, по мере того как Крым стал отодвигаться для Пушкина в прошлое, он начал приобретать все больше и больше очарования. Пушкин, которого в Бахчисарае пришлось «почти насильно» вести осматривать гарем, Пушкин, который «не любопытствовал» взглянуть на Чатырдаг, позднее испытывал по Крыму настоящую «тоску по родине».

Уже после перевала на Яйлу у Пушкина «сердце сжалось», и он «начал тосковать по милом полудне», «хотя все еще видел и тополи и виноградные лозы». А тотчас по приезде в Кишинев он уже писал брату (письмо 1820 г.): «Друг мой, любимая моя надежда — увидеть опять полуденный берег».

В стихотворении «Желание» (1821 г.) есть восклицание;

*Приду ли вновь, поклонник муз
и мира,
Забыв молву и жизни суеты,
На берегах веселого Салгира
Вспоминать души моей мечты?*

Те же выражения повторены в заключении «Бахчисарайского фонтана» (1822 г.):

*Поклонник муз, поклонник мира,
Забыв и славу и любовь,
О, скоро ль вас увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склон приморских гор,
Вспоминаний тайных полный,
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор!*

В письме к Дельвигу (1824 г.) Пушкин определенно ставит вопрос: «Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано все,

что подвластно ему?»

Наконец, в последней песне «Онегина», которая писалась уже в 30-х годах, Пушкин, как о чем-то дорогом и любимом, вспоминает, как он вдвоем с «ласковой музой» бродил по крымским берегам.

*Как часто по брегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шепот Нереиды,
Глубокий вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров!*

1908

Сноски

Сам Пушкин считает (в письме к брату 1820 г.) «два месяца», но это неверно: из Екатеринослава он выехал в самых последних числах мая, а из Пятигорска – 5 августа.

[^^^]

«Путевые записки по многим российским губерниям», 1820, статского советника Гавриила Геракова. Петроград, 1828. «Продолжение путевых записок» etc. Петроград, 1830 г. Гавр. Вас. Гераков (родился 1775, умер 1838), кроме этой книги, выпустил еще ряд патриотических сочинений: «Герои русские за 400 лет» (1801), «Чувство верноподданного» (1807), «Твердость духа россиян» (1813) и др.

[^^^]

3

Аполлон Марин, полковник, участник Бородинского боя, бывший ученик Геракова, с которым он случайно встретился в Пятигорске.

[^^^]

Соч. Пушкина, изд. Академии наук. Переписка под ре В. Сантова, СПб., 1906.

[^^^]

А. Муравьев-Апостол, «Путешествие по Тавриде. В 1820 году», СПб., 1823. Это – собрание писем, в общем загроможденных quasi-научными изысканиями.

[^^^]

Сем. Богд. Броневский (ум. в 1830 г.) – бывший градоначальник Феодосии. В 1823 году он издал «Новейшие исторические и географические известия о Кавказе».

[^^^]

нищего (*ит.*)

[^^^]

Хронология второй половины путешествия Пушкина по Крыму довольно запутана. Для выяснения ее у нас имеются следующие данные. Гераков видел Раевских в Феодосии 16 августа. Пушкин говорит, что прожил в Юрзуфе «три недели». 8 сентября Гераков повстречал Раевского уже в Симферополе. Между 16 августа и 8 сентябрем (23 дня) и должны лежать те три недели, которые Пушкин провел в Юрзуфе. Доказательством, что Пушкин был в Юрзуфе уже в августе, служит помета в черновой тетради «Кавказского пленника»: «Юрзуф... Августа»; на той же странице тетради карандашом написано: «Владимир. 1820. А(в)густа 24». (Соч. изд. Акад. наук. II, стр. 382.) С другой стороны, у нас есть стихотворение Пушкина, помеченное: «1820, Юрзуф, 20 сентября» (Соч. изд. Акад. наук, II, стр. 332) – дата, которую невозможно согласовать с другими. 24 сентября уже помечено письмо Пушкина к брату из Кишинева. В четыре дня нельзя было совершить путешествие из Юрзуфа через Кикинеис и Бахчиса-

рай в Кишинев. Приходится или дать другое объяснение дате «20 сентября, Юрзуф», или причислить ее к немалочисленным опискам Пушкина.

[^^^]

Описывая Салгир, Гераков, вероятно, прямо намекает на Пушкина, говоря, что эта река, «прославленная плаксивыми путешественниками, романтическими писателями», на самом деле «менее ручья, ибо и утки ходят поперек оно́го». Надо, однако, заметить, что Салгир, как все горные речки, после дождей совершенно меняется и тогда, даже в верховьях, представляет стремительный и бурный поток.

[^^^]

10

А в письме: «по каплям падала вода...».

[^^^]